

Научная статья
УДК 316.334.56
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/105-113>

Культурное пространство города: перекрестья социального и географического воображения

Елизавета Ивановна Спешилова
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия, e.speshilova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается методология междисциплинарного синтеза социального и географического воображения в перспективе исследования городских пространств. На материале широкого круга классических и современных источников исследуются различные варианты определения понятия "социальное воображаемое" и некоторые способы его применения в городских исследованиях, анализируется концептуальный ресурс имагинальной географии и основные принципы конструирования образа территории. Подчёркивается, что синтез социального и географического воображения фокусирует внимание городских исследователей на феномене коллективно устанавливаемого смысла и его культурных вариациях.

Ключевые слова: городские исследования, культурное пространство города, социальное конструирование, производство пространства, социальное воображаемое, имагинальная география

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Для цитирования: Спешилова Е. И. Культурное пространство города: перекрестья социального и географического воображения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 105–113.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/105-113>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/105-113>

Cultural Space of the City: The Intersection of Social and Geographic Imagination

Elizaveta I. Speshilova
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia, e.speshilova@yandex.ru

Abstract: The article discusses the methodology of interdisciplinary synthesis of social and geographical imagination in the perspective of urban space research. Based on classical and contemporary sources, the author explores variants of the definition of the 'social imaginary' and some ways of its application in urban studies, as well as analyses the conceptual resource of imaginative geography and the main principles of constructing the territory image. It is emphasized that the synthesis of social and geographical imagination focuses the attention of urban researchers on the phenomenon of collectively established meaning and its cultural variations.

Key words: urban theory, cultural space of the city, social construction, production of space, social imaginary, imaginative geography

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

For citation: Speshilova E. I. Cultural Space of the City: The Intersection of Social and Geographic Imagination // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 105–113.
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/105-113>

Введение

В современных гуманитарных науках город активно рассматривается не только как пространственная конфигурация материальных объектов, но и как ментальное поле культурных смыслов о конкретном месте, представленное в образах, рефлексивных дискурсах и символических репрезентациях [37, p. 11]. Интерес к определённым культурным значениям в их пространственной привязке, а также акцент на повседневных городских практиках, традициях и ритуалах свидетельствует о "культурном повороте" в урбанистике [15, с. 223]. При этом само понятие пространственного воплощения (спациализации) культуры [14] становится значимой для городских исследователей концептуальной основой, позволяющей анализировать процессы социального производства и конструирования городского пространства.

Вместе с тем существенную роль в процессе конструирования городского пространства, то есть в процессе сборки города [9, с. 103], играет воображение

– познавательная и творческая способность формирования ментального образа объекта [39, p. 50]. Поскольку культурное пространство города существует на пересечении социального и территориального порядков [12], в создании его образа оказывается задействовано как социальное, так и географическое воображение. В представленном исследовании мы проанализируем теоретические дискурсы, в которых осмысляются указанные понятия, и акцентируем внимание на эвристическом потенциале научного подхода к городу, основанного на синтезе социального и географического воображения.

Социальное воображаемое: от теории к анализу городских сообществ

В знаменитой работе "Social Justice and the City" Д. Харви утверждал, что единственно адекватной концептуальной рамкой исследования города является та, что основана на объединении социологического и географического воображений [32, p. 23], так как теория города должна объяснять взаимосвязь социальных процессов в городе с его пространственными формами. Социологическое воображение позволяет исследователю понять социально-историческое значение человека в контексте конкретного общества в определённый исторический момент времени, тогда как географическое воображение даёт возможность осознать роль конкретного места в биографии человека, определить значимость окружающих его пространств и выявить те смыслы, которые с этими пространствами связаны [32, p. 23–24]. Несмотря на то, что в указанной работе Д. Харви использует термин "социологическое воображение", опираясь на ставший классическим труд Ч. Миллса [35], в дальнейшем в городских исследованиях большее распространение получило понятие "социального воображения" и особенно его производное – явно концептуализированное Ч. Тейлором понятие "социальное воображаемое" [40], которое мы рассмотрим более детально.

Подробно артикулированное исследование воображаемого в контексте анализа общества в целом и отдельных социальных практик представлено, прежде всего, в трудах К. Касториадиса [27], Б. Андерсона [24] и Ч. Тейлора [40, 41]. Несмотря на то, что именно изданная в 1983 году монография "Imagined Communities" Б. Андерсона во многом определила интерес к теме воображаемого в социальных науках, нельзя согласиться с тем, что он впервые рассмотрел понятие воображаемого в социальном аспекте, как утверждает А. В. Конева в статье "Понятие и структура социального воображения", опубликованной в журнале "Вопросы философии" [10, с. 54]. Именно К. Касториадис впервые проанализировал понятие "воображаемое", первоначально теоретически осмысленное в рамках феноменологии и психоанализа, в контексте социальной теории. Используя концепт социального института в качестве опорного элемента своей общественно-исторической теории [22, с. 228], французский философ доказывает, что и общественный институт, и социальная жизнь в целом – это не просто функциональная система, направленная на удовлетворение определённых потребностей общества [8, с. 153]. С точки зрения Касториадиса, институт – это социально санкционированная символическая система, в которой в различных пропорциях сочетаются функциональная и воображаемая составляющие. В трёхчастной социальной структуре "функциональное – символическое – воображаемое" именно социальное воображаемое, существующее в конкретном обществе определённой эпохи, является источником, задающим функциональность институциональной системы и предопределяющим тот символический порядок, который будет в данном обществе установлен [8, с. 163–164]. В концепции Касториадиса "оппозиция "воображаемое – рациональное" утрачивает бинарность, приобретает значение целого и части" [6, с. 172]: и понятие рационального, и понятие функционального понимаются как производные от воображаемого [19, с. 123]. Само социальное воображаемое при этом интерпретируется как процесс недетерминированного создания значений, образов и форм *ex nihilo*, которые являются "невидимым цементом" [8, с. 232], связывающим общество и определяющим его идентичность, структуру и ценности.

Опорные значения, которые держат общество вместе и задают всю его социальную реальность, Касториадис именуется воображаемыми социальными значениями. Их роль состоит в ответе на фундаментальные вопросы, которые позволяют мыслить определённое общество как именно это общество, а не ка-

кое-то другое: "кто мы есть как коллектив? чем мы являемся друг для друга? где мы, чего мы хотим, к чему стремимся и чего нам недостаёт?" [8, с. 165]. Воображаемые социальные значения устанавливают порядок общества, его нормы и цели, паттерны поведения индивидов и способы их отношения к реальности.

В монографии "Воображаемые сообщества" Б. Андерсон исследует воображаемое в контексте исследования идеи нации и национализма. В отличие от К. Касториадиса, британский исследователь рассматривает в первую очередь фактическое социальное воображаемое, но при этом показывает, что сообщества находятся в непрерывном процессе воображения себя как некой целостности, постоянно репродуцируя коллективные образы и смыслы в социальной практике. С точки зрения Андерсона, нация является воображаемым сообществом, поскольку члены данной группы никогда не будут знакомы с большинством своих "собратьев-по-нации", но при этом в сознании каждого из них будет жить "образ их общности" [1, с. 31]. В этом смысле любое крупное сообщество, не только национальное, но и, например, региональное или городское, является воображаемым, поскольку между большинством его членов нет непосредственных контактов друг с другом, но при этом у всех есть чувство сопричастности единому целому – нации, региону, городу или чему-либо иному. Кроме того, члены одного сообщества являются глубоким, горизонтальным товариществом, поскольку их объединяет "сходная траектория жизненного пути, чувство одновременности проживания одних и тех же значимых событий" [6, с. 173], а также верность одним и тем же ценностям.

Развивая конструктивистский взгляд на нацию, Б. Андерсон показывает, что национальные сообщества производятся благодаря определённым медиадискурсам, социальным практикам и властным институтам. "Печатный капитализм" [1, с. 59] – невероятный рост количества газет, романов и иных художественных произведений – оказал колоссальное влияние на формирование национальной идентичности, поскольку позволил гражданам ощутить принадлежность к сплочённому сообществу, объединённому единой историей, посредством устойчивой анонимной и в то же время одновременной деятельности [31, р. 147]. Помимо этого, на примерах переписи населения, картографирования и музейной деятельности Б. Андерсон наглядно демонстрирует процесс государственного конструирования нации и перестроения социального порядка. И если воображаемое, репрезентированное в медиадискурсах и социальных практиках, можно отнести к мягким, рассредоточенным формам власти, то в случае таких властных институций, как перепись, карта и музей, речь идёт о тотализирующей классификационной разметке [1, с. 202], которая всему – народу, человеку, территории, региону, городу – определяет своё место и значение в системе заданных координат. Благодаря всем этим инструментам воображаемое, в итоге, определяет коллективные представления о национальной идентичности, которые конструируются в переплетении и взаимном влиянии медиа, социальных практик и политики.

Фундаментальные работы К. Касториадиса и Б. Андерсона во многом определили векторы развития концепции социального воображаемого, однако впервые достаточно точно определил и популяризировал термин "social imaginary" канадский философ Ч. Тейлор, пожалуй, в самом известном тексте в данной области – "Modern Social Imaginaries" [40], который он впоследствии включил в качестве раздела в свою книгу "A Secular Age" [41]. Ч. Тейлор использует термин "социальное воображаемое" для обозначения того, как люди представляют 1) своё существование в обществе, 2) своё взаимодействие с другими членами общества, 3) свои ожидания, предшествующие такому взаимодействию, и 4) глубинные нормативные идеи и образы, которые лежат в основе этих ожиданий [41, р. 171; 19, с. 124]. Иными словами, социальное воображаемое, с его точки зрения, – это способы, с помощью которых мы можем мыслить или представлять себе общество в целом [41, р. 156]; это не теории и не идеологии, а общепринятые имплицитные предпосылки, которые делают возможными совместные практики, придающие им смысл и подтверждающие их легитимность. Такие имплицитные предпосылки являются дорефлексивными рамками повседневных действий и социальных репертуаров индивида [38, р. 6] и существенно отличаются от социальной теории, конструируемой определёнными интеллектуалами: социальная теория и социологическое во-

ображение – это достояние меньшинства, тогда как социальное воображаемое – это то, что объединяет большинство. Вместе с тем Ч. Тейлор показывает взаимное влияние социальной теории и воображаемого: с одной стороны, новые теории проникают в социальное воображаемое и перестраивают его, вовлекая людей в новые социальные практики или наполняя иным смыслом те практики, что уже сложились; с другой стороны, сама теория с течением времени может начать переосмысливаться в контексте новой практической жизни с её социокультурными реалиями.

То, что мир, в котором мы живём сегодня, характеризуется новой ролью воображения в социальной жизни, подчёркивает американский культурный антрополог А. Аппадурай [25, р. 31], чьи статьи становятся всё более доступными русскоязычному читателю благодаря появлению новых переводов [2]. С точки зрения Аппадурай, для понимания роли воображения в социальной жизни необходимо соединить старую идею образов, особенно механически созданных образов, разработанную во Франкфуртской школе, идею воображаемого сообщества, сформулированную Андерсоном, и французскую идею воображаемого как сконструированного ландшафта коллективных устремлений, который сейчас опосредован сквозь сложную призму современных медиа [25, р. 31]. А. Аппадурай понимает воображение как социальную практику и отмечает, что в современности электронные средства коммуникации и массовая миграция существенно трансформируют работу социального воображения, поскольку они предлагают более широкий репертуар социальных траекторий и "возможных жизней" [25, р. 53], которые теперь не имеют жёсткой территориальной привязки к каким-то локальным пространствам [21, с. 57].

Представленные теории показывают, что концепция социального воображаемого демонстрирует господство конструктивистской ориентации многих исследователей социальных явлений [34, р. 34], поскольку в ней подчёркивается производный, "воображаемый" характер самого общества. Члены редакции "Международного журнала социального воображаемого" ("International Journal of Social Imaginaries"), основанного в 2022 г. издательством Brill, в программной статье "Социальное воображаемое и воображение" пишут о том, что всё большее количество различных подходов и дисциплин фокусируется на социальном воображаемом как способе, с помощью которого люди коллективно и дотеоретически осмысливают своё социальное и личное существование, образуя коллективное пространство значений, или, иными словами, семантическое пространство для совместного бытия [26, р. 4]. Одним из таких полидисциплинарных направлений, которое успешно интегрировало в свой контекст понятие "социальное воображаемое", являются городские исследования. Так, например, Т. Блокланд рассматривает, "каким образом сообщества воображаются в качестве коллективных и культурных фигураций" в глобальном мире городов [3, с. 21], и предлагает анализировать сообщества как городскую практику, как набор повседневных, публичных и перформативных действий. В российских городских исследованиях можно встретить примеры, когда воображаемое сообщество рассматривается в контексте большого города в постсоветском пространстве [11] или когда анализируется то, как воображённое сообщество конструируется "в логике стихийного субурбанизма" [5, с. 46]. Социальное воображаемое городских жителей отражает общезначимые образы, смыслы и практики, которые возникают в определённом городском социокультурном пространстве и времени и объединяют причастных к этому пространству и времени людей.

Имагинальная география и конструирование образа территории

Существенный вклад в современные городские исследования, особенно связанные с концептом "городское воображаемое" [13, 18, 42], кроме того, внесла воображаемая [16, с. 70], или имагинальная / образная география, в рамках которой изучаются закономерности и нюансы формирования географических образов, их структура, особенности "моделирования, способы и типы репрезентации и интерпретации" [7, с. 27]. Основной период становления имагинальной географии, которая представляет собой часть более широкого исследовательского направления – гуманитарной географии, приходится на 1950–1980-е гг. В это время, в частности, была опубликована одна из ключевых работ, в которой впервые был использован термин "imaginative geography", –

монография "Orientalism" американского теоретика культуры палестинского происхождения Э. Саида [36], который на примере критики западных представлений о Востоке продемонстрировал, как посредством различных образов и нарративов производится определённое географическое пространство.

Ориентализм как одна из форм имажинальной географии легитимизировал "вокабуляр, универсум репрезентативного дискурса, свойственного восприятию и пониманию <...> Востока" [17, с. 112]. В таком дискурсе Восток как чужое, отдалённое, незнакомое и опасное пространство понимается в качестве "земли варваров", территории дикости и примитивной культуры, а Европа – как территория динамичной, привилегированной и утончённой цивилизации. Согласно ориенталистской оптике, "их" пространство рассматривается как обратное "нашему", как своего рода негатив в фотографии: "они" могут быть похожи на нас, но при этом лишены всех положительных качеств, которые "нас" отличают [29, р. 17]. Э. Саид в своей работе постоянно демонстрирует неприятие ориенталистского дискурса, поскольку данный дискурс создаёт такие воображаемые пространственные и культурные дистинкции, которые редуцируют гуманитарную географию к пространству неравенства и различий, а не к пространству гибридности и взаимосвязанного партнёрства [23, р. 3]. В политический, исторический, социальный и интеллектуальный процесс конструирования образа той или иной территории вовлекается множество различных акторов: от поэтов и учёных до политиков и журналистов, причём их версии описания конкретного места зачастую оказываются удивительно однотипными. Важными инструментами создания любого географического образа территории выступают письма о путешествиях, карты, фотографии, телевидение, кино, популярные журналы, реклама, а также массовый туризм [33, р. 245], то есть те же инструменты, которые используются при конструировании образа общества и при формировании образа города.

В имажинальной географии подчёркивается, что, несмотря на сконструированность образа территории, такой образ оказывает существенное влияние на вполне реальные социокультурные и административные практики [4]. Так, британский географ Д. Грегори в фундаментальной монографии "Географическое воображение" [28] и в иных своих трудах развивает идеи Э. Саида и фокусирует внимание на перформативном характере имажинальной географии, поскольку она производит те эффекты, которые называет [29, р. 18]. Категории, коды и конвенции, характерные для конкретного географического воображаемого, формируют практики тех, кто на него опирается, так как воображаемые образы определяют диспозиции поведения человека, наделяя их смыслом и легитимностью. В этом контексте пространство понимается не только как материальная область или ментальный конструкт, но как сфера действия, делания, перформанса [23, р. 12]. Д. Грегори пишет о том, что имажинальная география – это "performance of space" [29, р. 18], то есть исполнение, выступление пространства. Иными словами, это представление, перформанс, который пространство создаёт, поскольку в нём, с одной стороны, реализуются заданные сценарии, но с другой стороны, конкретный способ их исполнения может быть уникальным и обладать определённой новизной.

Д. Грегори, как и Э. Саид, не ограничивается теоретическим анализом имажинальной географии, но исследует, как с её помощью совместно производятся "Америка" и "Афганистан", "Израиль" и "Палестина", а также как она используется для легитимации военных действий [29, р. 19]. Ключевые идеи имажинальной географии остаются актуальными и в контексте современной ситуации в мире. Британский географ приводит высказывание американского политолога М. Дж. Шапиро о том, что "география неразрывно связана с архитектурой враждебности", поскольку чаще всего "Другой" в ней рассматривается как антагонист, как угроза [29, р. 20], а не как партнёр, который имеет свои интересы и ценности.

Терминологически географическое воображаемое определяется как до-рефлексивное, само собой разумеющееся пространственное упорядочивание и разграничение мира, которое предполагает иерархическое деление земного шара на континенты, государства и иные подкатегории, а также противопоставление глобального севера / юга, городского / сельского, внутреннего / внешнего и культуры / природы [30, р. 282]. При этом географическое воображаемое понимается как нечто большее, нежели ментальная репрезентация

территории, так как оно вовлечено в материальный и чувственный процесс "создания мира", который связан с эмоциями и аффектами. В этом ключе территории подразделяются на безопасные и опасные, комфортные и некомфортные, цивилизованные и дикие, притягательные и отталкивающие и т. д. Основную роль в формировании географического воображаемого большинство исследователей отводят языку и визуальности.

Важно отметить, что и Э. Саид, и Д. Грегори в своих теоретических рассуждениях о географическом воображаемом опираются на философию М. Фуко. Э. Саид прямо пишет о том, что многим обязан работам М. Фуко [17, с. 40]. Так, в частности, определяя ориентализм, Э. Саид использует понятие дискурса: он показывает, что созданные в ориенталистской оптике тексты "могут породить не только знание, но и саму описываемую ими реальность" [17, с. 147], тем самым со временем создавая традицию, то есть задавая определённый дискурс. Кроме того, в географическом воображаемом прослеживается взаимосвязь трёх компонентов – знания, власти и пространства, – о которой упоминал ещё Фуко [20].

Как и для социальной теории в отношении социального воображаемого, для имагинальной географии характерна плюрализация географического воображаемого в последние десятилетия. Постмодернизм, постструктурализм и постколониализм привели к радикальной критике универсальных, "объективных" моделей общества и пространства и показали относительность и предвзятость существующих вариантов их понимания, основанных на разного рода "центризмах" – этноцентризме, европоцентризме, англоцентризме и т. д. [30, р. 284–285], в контексте которых остальные территории рассматривались как периферия. Постмодернизм подрывает иерархичность и сам принцип оппозиции "центр – периферия", показывая возможность смещения точки взгляда и возникновения инверсии, благодаря которой центр оказывается периферией, а периферия – центром.

Заключение

Использование понятия "воображаемое" при осмыслении социального, территориального и городского порядка указывает на несколько взаимосвязанных тенденций в гуманитарных и социальных науках. Й. Арнасон с коллегами подчёркивают, что 1) понятие "воображаемое" фокусирует внимание исследователей на феномене коллективно устанавливаемого смысла и его культурных вариациях, 2) использование понятия "воображаемое" позволяет скорректировать одномерный акцент на теоретическом разуме, или рациональности, как центральном постулате классической теории познания и, наконец, 3) разработка теории "воображаемого" маркирует герменевтический поворот в гуманитарных науках [26, р. 7], согласно которому особое значение придаётся искусству истолкования и понимания смысла различных текстов – художественных, социальных, культурных и в том числе городских.

Представленная палитра теоретических подходов, характерных для социальных и географических наук, важна для городских исследований, поскольку позволяет зафиксировать, что термин "воображаемое" существенно отличается по своему содержанию от понятий мнимого, фантастического, фиктивного и тесно ассоциируется с понятиями ментального, символического, мифологического и идеологического. Воображаемое понимается как особая система культуры, которая творит и сохраняет смыслы [10, с. 52], как пространство идей, которые определяют образ познаваемого объекта, формируют его идентичность и в конечном счёте оказывают влияние на отношение субъекта к нему. В этом смысле городское воображаемое как комплекс коллективно значимых для определённого сообщества представлений о городе, возникающих в конкретном историческом времени и культурном пространстве, отражает взаимосвязь общественных практик и пространственных структур. При этом социальное и географическое воображения в применении к исследованию культурного ландшафта города – это не только две исследовательские традиции размышления о городе "самом по себе", которых придерживаются представители соответствующих направлений, но и два способа понимания того, как человек самоопределяется в городе и стремится найти своё уникальное место среди городских сообществ и пространств.

Литература / References

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / Trans. from English by V. Nikolaev. Moscow: Kanon-press-ts, Kuchkovo Pole, 2001. 288 p. (In Russ.).
2. Аппадурай А. Теория в антропологии: Центр и периферия. Комментарии, вдохновлённые статьёй Шерри Б. Ортнер // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 3. С. 8–13. <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-3-8-13>
Appadurai A. Theory in Anthropology: Center and Periphery // Periphery. Journal of the Peripheries Studies. 2024. No. 3. P. 8–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-3-8-13>
3. Блокланд Т. Сообщество как городская практика / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 232 с.
Blokland T. Community as Urban Practice / Trans. from English by N. Protsenko. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Ltd., 2023. 232 p. (In Russ.).
4. Головнева Е. В. "Сборка Региона": параметры конструирования региональных общностей // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 4. С. 114–125.
Golovneva E. V. "Assembling the Region": The Parameters of Constructing Regional Communities // Siberian Journal of Philosophy. 2017. Vol. 15. No. 4. P. 114–125. (In Russ.).
5. Григоричев К. В. Воображённое сообщество: конструирование локальности в неинституционализованном пространстве пригорода // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 46–56.
Grigorichev K. V. Imagined Community: Locality Construction in a Non-Institutionalized Space of Suburb // Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences. 2015. No. 1. P. 46–56. (In Russ.).
6. Ерохина Е. А. Воображаемое и рациональное: от научных теорий к социальному порядку // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 1. С. 168–179.
<https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-168-179>
Erokhina E. A. Imaginary and Rational: From Social Theory to Social Order // Ideas and Ideals. 2021. Vol. 13. No. 4. Part 1. P. 168–179. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-168-179>
7. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50.
Zamiatin D. N. Humanitarian Geography: Space, Imagination, and Interaction between Contemporary Human Sciences // The Russian Sociological Review. 2010. Vol. 9. No. 3. P. 26–50. (In Russ.).
8. Касториадис К. Воображаемое установление общества / Пер с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М.: Гнозис, Логос, 2003. 480 с.
Castoriadis C. The Imaginary Institution of Society / Trans. from French by G. Volkova, S. Ofertas. Moscow: Gnozis, Logos, 2003. 480 p. (In Russ.).
9. Колодий Н. А., Иванова В. С. Сборка города в современных дискурсивных практиках // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 2. С. 102–123. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.5>
Kolodii N. A., Ivanova, V. S. Assembling Cities in Contemporary Discursive Practices // Sotsiologicheskii Zhurnal. Vol. 30. No. 2. P. 102–123. (In Russ.).
<https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.5>
10. Конева А. В. Понятие и структура социального воображения // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 51–59.
Koneva A. V. The Concept and the Structure of Social Imagination // Voprosy Filosofii. 2016. No. 5. P. 51–59. (In Russ.).
11. Лейбович О. Л., Кабацков А. Н., Шушкова Н. В. Большой город в постсоветском пространстве // Мир России. 2010. Т. 13. № 1. С. 91–105.
Leibovich O. L., Kabatskov A. N., Shushkova N. V. A City in Postsoviet Space // Mir Rossii. 2010. Vol. 13. No. 1. P. 91–105. (In Russ.).
12. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
Lefebvre H. The Production of Space / Trans. from French by I. Staf. Moscow: Strelka Press, 2015. 432 p. (In Russ.).
13. Линднер Р. Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике / Пер. с нем. К. Левинсона // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 101–116.
Lindner R. Texture, The Imaginary, Habitus: Key Concepts of Cultural Analysis in Urban Studies / Trans. from German by K. Levinson // Own Logic of Cities. New Approaches in Urbanism. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Ltd., 2019. P. 101–116. (In Russ.).
14. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 400 с.
Low S. Spatializing Culture. The Ethnography of Space and Place / Trans. from English by N. Protsenko. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Ltd., 2024. 400 p. (In Russ.).

15. Мазаник А. В. "Культурный поворот" и российская историческая урбанистика // *Прошлый век*. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 223–240.
Mazanik A. V. "Cultural Turn" and Russian Historical Urban Studies // *Last Century*. Moscow: INION RAN, 2013. P. 223–240. (In Russ.).
16. Митин И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // *Топос. Литературно-философский журнал*. 2011. № 1. С. 62–73.
Mitin I. Toward an Imaginative Geography: Two Turns, Three Spaces // *Topos. Literaturno-Filosofskiy Zhurnal*. 2011. No. 1. P. 62–73. (In Russ.).
17. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.
Said E. W. Orientalism / Trans. from English by A. V. Govorunov. St. Petersburg: Russkiy Mir, 2006. 636 p. (In Russ.).
18. Спешилова Е. И. Urban imaginaty в контексте исследований городской среды // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. Вып. 4 (38). С. 59–78.
<https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-4-59-78>
Speshilova E. I. The Imaginary in Urban Studies // ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics. 2023. Issue 4 (38). P. 59–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-4-59-78>
19. Фомин И. В. Категория социальной воображаемости // МЕТОД. Вып. 3: Возможное и действительное в социальной практике и научных исследованиях / Отв. ред. М. В. Ильин. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 115–130.
Fomin I. V. The Category of Social Imaginary // METHOD. Is. 3: Possible and Actual in Social Practice and Scientific Research / Ed. by M. V. Il'in. Moscow: INION RAN, 2012. P. 115–130. (In Russ.).
20. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная Академия, Университетская книга, 2004. 416 с.
Foucault M. The Archaeology of Knowledge / Trans. from French by M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, Universitetskaya kniga, 2004. 416 p. (In Russ.).
21. Фурс В. Арджун Аппадурай. "Современность" на просторе: культурные измерения глобализации // *Социологическое обозрение*. 2003. Том 3. № 4. С. 57–66.
Furs V. Appadurai, Arjun. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization // *Russian Sociological Review* 2003. Vol. 3. No. 4. P. 57–66. (In Russ.).
22. Фурс В. Динамическая концепция социального в философии К. Касториадиса // Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 8. Грецька традиція в сучасній культурі. Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2005. С. 227–238.
Furs V. Dynamic Concept of the Social in the Philosophy of C. Castoriadis // Doxa. Collection of Scientific Works on Philosophy and Philology. Issue 8. Greek Tradition in Modern Culture. Odesa: Odesa I. I. Mechnikov National University, 2005. P. 227–238. (In Ukr.).
23. Al-Mahfedi M. H. K. Edward Said's "Imaginative Geography" and Geopolitical Mapping: Knowledge/Power Constellation and Landscaping Palestine // *The Criterion: An International Journal in English*. 2011. Vol. 2. Is. 3. P. 1–26. URL: <https://www.the-criterion.com/V2/n3/Mahfedi.pdf> (accessed 29.07.2024).
24. Anderson B. *Imagined Communities*. London, New York: Verso, 1983. 240 p.
25. Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 248 p.
26. Arnason J. P., Smith J., Smith K. E., Krummel J., Blokker P. Social Imaginaries and the Imagination // *International Journal of Social Imaginaries*. 2022. Vol. 1. Issue 1. P. 3–16.
<https://doi.org/10.1163/27727866-01010007>
27. Castoriadis C. *L'institution imaginaire de la société*. Paris: Les Editions du Seuil, 1975. 538 p.
28. Gregory D. *Geographical Imagination*. Oxford: Blackwell Publishing, 1994. 456 p.
29. Gregory D. *The Colonial Present*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 368 p.
30. Gregory D. *Geographical Imaginary*. *Geographical Imagination // The Dictionary of Human Geography*. 5th Edition. Oxford: Willey – Blackwell Publishing, 2009. P. 282–285.
31. Hack B. Literature Review: Social Theories of the Imagination // *Journal of the Faculty of Foreign Studies, Aichi Prefectural University: Language and Literature*. 2018. Vol. 50. P. 143–154.
32. Harvey D. *Social Justice and the City*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1973. 336 p.
33. Hoelscher S. *Imaginative Geographies // Encyclopedia of Human Geography*. Ed. by B. Warf. Thousand Oaks, London, New Delhi: SAGE Publications, 2006. P. 244–246.
34. James P. *The Social Imaginary in Theory and Practice // Revisiting the Global Imaginary: Theories, Ideologies, Subjectivities*. Ed. by Chris Hudson and Erin K. Wilson. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 33–47.
35. Mills C. W. *The Sociological Imagination*. Oxford: Oxford University Press, 1959. 256 p.
36. Said E. W. *Orientalism*. London, Henley: Routledge, Kegan Paul Ltd., 1978. 370 p.
37. Soja E. *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell Publishing, 2000. 440 p.
38. Steger M. B. *The Rise of the Global Imaginary: Political Ideologies from the French Revolution to the Global War on Terror*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 318 p.

39. Strawson P. F. *Imagination and Perception* // Strawson P. F. *Freedom and resentment, and other essays*. London, New York: Routledge, 2008. P. 50–72.
40. Taylor Ch. *Modern Social Imaginaries*. Durham: Duke University Press, 2004. 215 p.
41. Taylor Ch. *A Secular Age*. Cambridge (MA), London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 896 p.
42. *The Routledge Companion to Urban Imaginaries*. Ed. by Ch. Lindner and M. Meissner. London, New York: Routledge, 2019. 480 p.

Информация об авторе

Елизавета Ивановна Спешилова, научный сотрудник научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика» Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия, e-mail: e.speshilova@yandex.ru

Information about the author

Elizaveta I. Speshilova, Researcher, Scientific and Educational Center "Humanitarian Urbanistics", Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia, e-mail: e.speshilova@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.08.2024

Received 11.08.2024

Одобрена после рецензирования 09.02.2025

Approved 09.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025